

Будь начеку. Вот что ты сейчас видишь. Высокое створчатое окно. Длинные — от потолка до пола — портьеры из зеленой парчи слегка раздвинуты. Серый свет просачивается внутрь. Бахромчатый ламбрекен над оконным проемом. Тюлевые занавески. Стекла дребезжат от порывов ветра, и занавески раздуваются, как паруса.

Стулья. Письменный стол. Комод. Гардероб (в этих старинных домах не бывает стенных шкафов для одежды). Белые стены. Полированный паркет, слишком скользкий для хождения в носках. Прикроватные тумбочки; на них лампы с вычурными абажурами. Белый телефонный аппарат. Аляповатая стеклянная люстра в виде голубых лепестков с матовыми сорокаваттными лампочками. Дешевка и безвкусица, как и во всех отелях по всему миру.

Ну и кровать, разумеется. Двухспальная. С балдахином. В углу постели пирамида узорчатых подушек, похожая на свадебный торт. Льняные простыни. Все одеяла, какие смог выделить хозяин гостиницы. *Coperte, per favore! Più coperte!*¹ И все равно согреться под ними не удастся.

*Coperta*². Суммируем числовые значения букв. Двести девяносто девять: «низвергать». В другом варианте выходит двадцать: «дышать», «прятаться» или «сметать грязь». Кроме того: «болезнь». «Сердечная боль». На иврите — **עֵרָמָה** — получится сто двадцать четыре, что может означать факел или лампу.

¹ Одеяла, пожалуйста! Больше одеял! (*um.*)

² Одеяло (*um.*).

А также «отрекаться». «Обходить стороной». Возможно, «получать отсрочку». Надолго ли?

На комодѣ разложена твоя одежда: серые брюки, черные носки, синяя оксфордская рубашка. Шляпа. Бумажник. Россыпь иностранных монет. На полу — недавно купленные белые спортивные туфли и твой чемодан. В углу пристроена твоя трость с железным набалдашником.

Через минуту ты спустишь ноги с кровати. Потом встанешь, подойдешь к окну и будешь долго смотреть вверх крыши: там с одной стороны виден кусочек улицы Ботери, а с другой — улица Морти, которая вливается в почти безлюдную площадь. Ты будешь стоять у окна и ждать. Как обычно.

В этом городе тебя никто не знает. Пускай ты мысленно миллион раз бродил по его улицам, в реальности ты здесь чужак, обыкновенный турист. И это одна из главных причин, по которым ты приехал именно сюда. Однако где-то там, снаружи, есть некто, тебя знающий, и он подбирается все ближе — словно жук, упрямо ползущий вверх по штанине, — и осознание этого выводит тебя из равновесия. Ты надеешься заметить его на пустынных по причине Великого поста улицах еще до того, как он возникнет в дверях твоей комнаты. Короткая стрижка. Пружинистая походка. Крепко сбитая фигура. Распознать его будет несложно. Надо только добраться до окна, а там уже наблюдать и ждать.

Но не прямо сейчас. Пожалуй, чуть попозже. Сейчас ты неважно себя чувствуешь. Не то чтобы боль, но какое-то странное ощущение тяжести во всем теле. Несколько слоев одеял поднимаются и опускаются в такт дыханию.

На стене над изголовьем — перевернутая и сложная для восприятия под этим углом — висит репродукция в раме. Грязновато-серая акварель. Утлые суденышки. Тусклое небо. Сан-Джорджо-Маджоре вдали. Должно быть, вид с Рива-дельи-Скьявони. Внизу подпись черным по белому: «Дж. М. У. Тёрнер». Этот парень явно не знал, когда следует остановиться. Такое впечатление, что он пытался стереть свою мазню мокрой зубной щеткой.

Тёрнер. Складываем числовые значения, выходит пятьсот пять: «сосуды для питья», «неверно истолковывать».

Новый порыв ветра; дребезг оконных стекол. Третий день стоит холод, зима что-то подзадержалась. При отливе каналы совершенно мелеют, и гондолы застревают в илистом дне. Весь город приобрел уныло-постный вид. Вчера около полудня можно было бы дойти пешком от набережной Нове до Мурано. Представь себя бредущим по грязи под белокаменными стенами церкви Сан-Микеле. Боже, какая вонь! Скользкие черви и раковины улиток. И ботинки чавкают в черной жиже.

За стеклом маячит коренастая кирпичная колокольня церкви Сан-Кассиано — темный силуэт на фоне влажно-серых туч. Под ней — ряды ветхих жилых домов; облупившаяся цветная штукатурка обнажает красные кирпичи. Под свесами крыш воркуют голуби; их помет бледными шлепками орошает наружные подоконники. Чайки парят, как воздушные змеи, поводя головами из стороны в сторону. Их белизна сейчас кажется неестественной, как будто их переместили сюда с какого-то другого, нездешнего неба.

Чем было прежде это место? Всякое место когда-то было чем-то иным.

В комнате напротив окна расположено зеркало. Большое, в массивной раме. Зеркало как зеркало, тебе его более чем достаточно. Это может показаться безумием, но именно с зеркала все и началось.

Как выглядит зеркало? Какого оно цвета? Кто вообще когда-нибудь смотрел *на* зеркало, а не смотрелся *в* него? Разумеется, ты знаешь, что оно тут, на стене. Но видишь ли ты его в действительности? Примерно тот же случай, что и с Богом. Хотя, пожалуй, это перебор. Но зеркало вот оно, перед тобой. Невидимый предмет обихода. Устройство для *невидения*.

Тебе всегда хотелось увидеть *само* зеркало. Только и всего. Вроде бы такой пустяк, не правда ли?

Снова колокольный звон. Другая церковь неподалеку начинает звонить с небольшим опозданием и тем самым мешает считать удары. В любом случае тебе уже давно пора вставать. Девушки в библиотеке, должно быть, начинают нервничать.

Гадают, куда ты мог запропасться. Беспокоятся, как бы чего не случилось. Что ж, синьорины, возможно, сегодня оно и случится.

Постояв у окна, ты переместишься к комоду. Оденешься. Перекусишь на скорую руку. Сделаешь телефонный звонок. Или пару звонков. Сейчас в Лас-Вегасе поздний вечер. А на Восточном побережье еще не рассвело. Подожди немного. Нет причин для спешки. У тебя есть еще время со всем разобраться. Есть неплохой расклад на руках. Не важно, что думает тот тип снаружи, тот бравый солдафончик, вынюхивающий твои следы на узких улицах, приложивший столько стараний и забравшийся в такую даль с единственной целью: тебя прикончить.

Времени предостаточно для того, чтобы разобраться и с ним, и со всеми прочими проблемами. Подойти к окну. Понаблюдать. А то и *поразмислить*, почему бы нет? Сложить из множества кусочков нечто цельное. Закрывать глаза. *Прислушаться*. Голоса из прошлого. На каждую загвоздку есть своя уловка. Учиться никогда не поздно. Вспомни все, что сможешь. Остальное домысливай.

Жаль, что сейчас у тебя уже нет этой чертовой книги!

SOLVTIO

13 марта 2003 г.

Все города геологичны; и пары шагов не сделаешь, чтобы не наткнуться на привидения, горделиво несущие за собой шлейф старинных легенд. Мы передвигаемся по лимитированной территории, по местности, обнесенной границей, и каждый объект местности, все, что мы видим, неизменно относит нас к прошлому. Тени ангелов, удаляющаяся перспектива позволяют уловить изначальную концепцию места, но это лишь мимолетные видения. Как в сказках или сюрреалистических рассказах: крепости, стены, которые не перелезешь, не обойдешь, маленькие, забытые богом харчевни «Трех пескарей», пещеры мамонтов, зеркала казино.

Иван Щеглов. Формуляр нового урбанизма (1953)

Впереди на Стрипе вновь затевают пальбу пираты. Под гром финального залпа он вылезает из такси, и отдаленный звук аплодисментов настигает его уже на мосту Риальто. Запах серы, рассеиваясь в воздухе, придает вечернему бризу inferнальный привкус. Он морщит нос, преодолевая желание сплюнуть.

Теперь представим облик этого человека на движущемся тротуаре: невысокий, широкоплечий, с изжелта-коричневой кожей и россыпью черных оспинок, лет сорока на вид. Солнцезащитные очки в изогнутой оправе, новенькие синие джинсы, кожаная куртка и серая майка. На свежесбритой голове — кепи «Редскинз», низко надвинутое на глаза. Он шагает по рифленой поверхности дорожки, огибая туристов, которые то и дело останавливаются ради фото или цепляются за ползущие перила. Внизу, под мостом, невидимый гондольер поет высоким чистым голосом: «*O mia patria si bella e perduta*», разворачивая свою лодку. С запада налетает порыв ветра, и песня утасует, как звук радио при ослабевшем сигнале.

Мужчина — его зовут Кёртис — входит в здание отеля под стрельчатыми арками галереи, минуя ряды игровых автоматов и направляется к лифтам. Струя ароматизированного воздуха от кондиционера скользит по его потной шее, и та покрывается гусиной кожей. Проходя мимо столов блэкджека, он вглядывается в каждого из игроков. Он взвинчен и напряжен; ему кажется, что он упускает из виду нечто существенное.

Он нажимает кнопку двадцать девятого этажа, и лифт начинает подъем. Наконец-то никого нет рядом. Его отражение по-

драгивает в окрашенных под медь дверных створках. Он заменяет солнцезащитные очки обычными, в черной оправе, и достает ключ-карту из внутреннего кармана куртки.

В его номере два телевизора, три телефонных аппарата и широченная кровать с балдахинном; большие занавешенные окна смотрят на юг, вдоль Стрипа. Над раскладной кушеткой в нише висит картина — какой-то расплывчатый пейзаж — с подписью на медной табличке: «Дж. М. У. Тёрнер». При площади в шестьсот пятьдесят квадратных футов это наименьший из номеров, предоставляемых данным отелем. Кёртис не хочет думать о том, в какую сумму это обходится Деймону, однако тот платит без возражений, поскольку они оба знают, что это самое подходящее место.

Он проверяет автоответчик и факс: никаких сообщений. Достает из кармана куртки новую коробку патронов с экспансивными пулями и помещает ее в маленький сейф в глубине стенового шкафа, а на коробку кладет короткоствольный револьвер. Снаружи темнеет: городской пейзаж за окнами пропадает, сменяясь отражением самой комнаты в оконных стеклах. Кёртис выключает верхний свет, подходит к окну и смотрит на отели и казино вдоль Стрипа, на колокольню и бирюзовый канал внизу. Мелькают воспоминания трехлетней давности: Стэнли перегибается через балюстраду над причаленными гондолами. Твидовая шоферская кепка сдвинута на голую макушку. Маленькие крючковатые руки месят воздух. Молодая луна висит низко над западным горизонтом: бледный серп на черном фоне. Стэнли читает стихи: «Сгинь, похититель образов, в забвения пучине!..» Что-то вроде этого. Но прежде чем Кёртис успеваешь сконцентрироваться на этом воспоминании, оно исчезает.

По всему городу загораются огни, подрагивая в восходящих потоках нагретого воздуха. Вдали виден голубой луч «Луксора», вонзающийся в сине-фиолетовое небо. Кёртис думает о своем доме, прикидывает, не позвонить ли, однако с Филли трехчасовая разница; Даниэлла, должно быть, уже спит. Он раздевается до трусов, складывает одежду, пытается найти что-нибудь сексуальное на широком телеэкране, но там повсюду, куда ни ткнешь, компьютерная графика крылатых ракет и трехмерные

карты Персидского залива под разными углами. В конце концов он бросает пульт и выполняет серию отжиманий и приседаний на ковровом покрытии пола, тогда как над ним говорящие головы продолжают с энтузиазмом рассуждать о неминуемой войне; время от времени изображение глючит, и тогда их лица застывают, затем превращаясь в бессмысленную цифровую мозаику.

Покончив с разминкой, Кёртис выключает звук в телевизоре и снова открывает сейф. Там, рядом с коробкой патронов, лежит его обручальное кольцо. Кёртис берет его, кладет себе в рот и обсасывает, как конфету; металл постукивает по внутренней поверхности зубов. Он вынимает из кобуры маленький револьвер, разряжает его, проверяет барабан и вхолостую нажимает на курок, целясь в мигающий телеэкран, сто раз правой и восемьдесят раз левой рукой, пока не начинают ныть запястья и саднить указательные пальцы. Это новая пушка, он к ней еще не привык.

В желудке урчит — следствие долгого перелета и многих бессонных часов до того. Он убирает кольцо и револьвер в сейф, перемещается в роскошно отделанную мрамором туалетную комнату и, присев на унитаз, перерывает свой бритвенный набор в поисках ножниц для ногтей. Его руки пахнут оружейным маслом, кожа потрескалась на сухом воздухе, и впервые за этот день Кёртис вспоминает — по-настоящему вспоминает, — како-во это: очутиться в Аравийской пустыне.

3

Позднее тем же вечером, возвращаясь в номер после ужина, Кёртис замечает подружку Стэнли за одним из столов для блэкджека на первом этаже.

Он на секунду останавливается, удивленно моргает, а затем начинает медленно обходить игорный зал по часовой стрелке, все время следя за ней боковым зрением. По пути прихватывает пластиковый стаканчик с имбирным элем, просто чтобы держать что-нибудь в руках. Она то и дело оглядывается по сторонам, но Кёртис, похоже, не привлекает ее внимания.

Описав по кругу двести восемьдесят градусов, он задерживается у покерного автомата, вскрывает ролл четвертаков, смачи-

вает губы в имбирном эле. Он никак не ожидал, что сможет ее узнать — фотографий у него не было, а их единственная встреча произошла два года назад, на свадьбе его отца, — и сейчас удивлен быстротой и легкостью узнавания. Все еще выглядит как студентка, хотя ей должно быть уже под тридцать. Она напоминает Кёртису кого-то из компании белых юнцов и девиц, которые приезжали из Колледж-Парка на выступления джазовой группы его отца в Адамс-Моргане или Ю-стрите. Такая же сосредоточенная, сметливая, немного замкнутая. Получила хорошую закалку, выбираясь из передряг, причиной которых были, скорее всего, ее собственные ошибки, а не какие-то внешние обстоятельства или простое невезение. Худая. Волнистые каштановые волосы. Большие, широко расставленные глаза. Однако красивой ее не назовешь. Это было бы неверно истолкованным понятием красоты. Как на эскизе художника, никогда настоящую красоту не видевшего и рисовавшего только по словесному описанию.

Без малого час Кёртис наблюдает за ней, за ее быстрыми взглядами по сторонам, за группой людей поблизости. Он ждет, когда она выйдет из-за стола или когда из толпы материализуется Стэнли. Но Стэнли не видать, и его подружка не двигается с места. Она, похоже, считает карты, однако не пытается играть по-крупному — ее ставки почти не меняются после успехов или неудач. В целом она выглядит рассеянной, словно всего лишь убивает время.

Автомат выдает Кёртису трех дам, но он сбрасывает одну из них, опасаясь, как бы солидный выигрыш не привлек к нему внимание окружающих. Девчонка играет в той же манере, что и он. Интересно, она в курсе, что за ней наблюдают?

Справа появляется и торопливо идет вдоль узорчатого темно-красного ограждения немолодой, но крепкий и подтянутый мужчина в спортивном пиджаке. Это не Стэнли — судя по его косолапой, дерганой походке, — но девушка на него отвлекается, причем во время сдачи карт. Широко раскрыв глаза, она следит за перемещением мужчины, а затем хмурит брови и откидывается на спинку стула. Дилер что-то говорит ей, приглашая вернуться к игре; она бросает на него сердитый взгляд. Все это происходит в считанные мгновения.

Зато теперь Кёртис уверен, что сможет ее найти, если в этом возникнет потребность. Как и он, эта девчонка находится здесь из-за Стэнли.

Он скармливает автомату последний четвертак, покидает казино и возвращается в свой номер. Там прибыло послание по факсу: карикатура на фирменном бланке отеля «Спектакляр!», изображающая мускулистого темнокожего мужчину, который анально насилует старикашку с гипертрофированными семитскими чертами. Кёртис на картинке выглядит свирепым и неумолимым; его лицо и руки покрыты густой штриховкой. Из окруженных морщинками глаз паникующего Стэнли чередой запятых каплют слезы. Вверху страницы Деймон написал крупными буквами: «АТЫМЕЙ ЕВО ВЗАД!!!», а внизу, под рисунком: «МАЛАДЧИНА!!!!!»

Кёртис комкает листок и бросает его в мусор, но затем выживает из урны, рвет на мелкие кусочки и спускает в унитаз.

4

Ночью идет дождь. Кёртис просыпается в тот момент, когда вспышка молнии освещает дверь ванной; он поворачивается на другой бок, чтобы посмотреть в окно, и тут же засыпает вновь. Он хорошо помнит дробь капель по стеклу, однако утром не обнаруживает никаких следов прошедшего дождя.

Едва набрав последние цифры номера, он смотрит на часы и понимает, что сейчас пятница, почти полдень в округе Колумбия. Однако Мавия дома и берет трубку.

— Кёртис! — говорит она и широко улыбается, судя по голосу. — Салям алейкум, братишка! Мой определитель тебя не опознал. Ты сменил номер?

— Да, — говорит Кёртис. — Твой определитель не ошибся. Я только сейчас вспомнил, какой сегодня день, и удивлен, что кого-то застал. Вам уже пора двигаться в мечеть.

— Мы слегка затянули с выходом. И это к счастью, иначе пропустили бы твой звонок. Как поживаешь?

— Все в порядке. Но не буду тебя задерживать. Я хотел поговорить с отцом. Есть он там поблизости?

Кёртис слышит легкий стук, с которым Мавия кладет трубку на столик. Ее пронзительный голос удаляется вглубь дома, слова становятся неразборчивыми. Пока Кёртис ждет, его посещает пара воспоминаний, быстро следуя одно за другим. Во-первых, ее фотография на стене библиотеки в Данбаре: она окончила школу на шесть лет раньше него, но продолжала присутствовать там уже в легендарном статусе. Четыре раза в неделю он проходил мимо этого фото, отправляясь на футбольное поле за очередной порцией тумачов от линии защиты. Во-вторых, несколько лет спустя: ее исполнение «Let's Get Lost»¹ в маленьком клубе на 18-й улице, с закрытыми глазами, в круге голубого света. А позади нее, в тени, его отец склоняется над контрабасом. Уже вышедший из тюрьмы, но еще находящийся под надзором. В ту пору ее звали Нора Броули, а отец звался своим прежним именем Дональд Стоун. Кёртис тогда прилетел на побывку из Субика и сразу направился в клуб, даже не сняв повседневную форму цвета хаки, измотанный и выбитый из колеи сменой часовых поясов. Он помнит запотевшую пивную бутылку в своей руке и ощущение, будто все вокруг него переворачивается с ног на голову. Стэнли тоже был где-то там. Невидимый. Лишь его голос из темноты.

Кёртис слышит тяжелые отцовские шаги, через пол и столик передающие сотрясение телефонной трубке.

— Малыш!

— Привет, па.

— Не мог найти другое время для звонка? Знаешь же, что сейчас мне некогда точить лясы. Давай-ка я звякну тебе попозже с мобильного.

— Я ненадолго, па. Только одна маленькая просьба. Я тут пытаюсь связаться со Стэнли.

Кёртис чувствует тишину, которая повисает между ними и раздувается как мыльный пузырь.

— Стэнли? — уточняет отец. — Стэнли Гласс?

— Он самый, па. Стэнли Гласс. Мне нужно с ним поговорить. Может, у тебя есть его телефон или...

¹ «Давай потеряемся» (англ.).

- А на кой тебе сдался Стэнли Гласс, малыш?
- Да так... просто хочу кое-кому помочь. Его разыскивает один мой друг. Я тебе о нем рассказывал — тот самый, который собирается дать мне работу в «Точке».
- Где? Ты же вроде говорил, что будешь работать в...
- В «Спектакляре», да. Так оно и есть. Просто все, кто там работает, называют этот отель «Точкой», потому что...
- Хорошо, но что понадобилось этому твоему *другу* от Стэнли Гласса? Или он никогда не слышал о справочной службе? Достаточно набрать «четыре-один-один», и ты получишь номер Стэнли из базы данных Филадельфии. Всего-то проблем...
- Похоже, Стэнли сейчас не в Филли, папа. И не в Атлантик-Сити. Я думаю, он сейчас здесь.
- Секундочку, а где находится это самое «здесь»?
- В Вегасе, — говорит Кёртис. — Я звоню тебе из Лас-Вегаса.

Его отец делает глубокий вдох и с шумом выпускает воздух. Кёртису не следовало втягивать его в эти дела.

— Послушай, па, — говорит он, — я знаю, тебе сейчас некогда...

— В последнее время я мало общался со Стэнли, Кёртис, — говорит отец. — Он хороший человек и прекрасный друг, один из моих старейших друзей в этом мире, но мы с ним почти прекратили контакты после моей женитьбы на Мавии. Я его не осуждаю и не держу на него зла, но факты таковы, Кёртис...

— Я знаю, папа.

— Факты таковы — если позволишь мне закончить мысль, — факты таковы, что Стэнли — профессиональный игрок. А мы с Мавией теперь правоверные мусульмане. Во всяком случае, я стараюсь им быть. Учение пророка, мир ему и благословение, категорически запрещает...

— Да я все знаю, папа.

— Я знаю, что ты знаешь. Но ты должен крепко усвоить одну вещь. Стэнли — игрок до мозга костей. Он ходячий игровой автомат. Быть вместе со Стэнли — это значит играть вместе со Стэнли. А я так не могу. Я люблю его, он мне как родной брат, но...

— Ладно, папа, я тебя задерживаю. Мое дело не настолько важное. Я понял все, что ты сказал, и...

— Я только хочу, чтобы ты меня выслушал, Кёртис.

— И я тебя слышу, папа, будь уверен. Извини, что побеспокоил. А сейчас мне пора идти. Попрощайся за меня с Мавией.

Кёртис отключается и еще какое-то время смотрит на свой новый телефон, размышляя о собственной безграничной тупости и неспособности понять самые вроде бы простые вещи. Он все еще не позвонил жене.

Чтобы немного развеяться, он застилает широкую гостиничную кровать, тщательно расправляя простыни и покрывало. Это занятие успокаивает и приносит хоть какое-то удовлетворение. А снаружи омытый дождем и уже обсохший город шумит под утренним солнцем, открывая себя новому дню.

5

Кёртис садится в автобус на остановке у казино «Харрас», ярдах в четырехстах южнее своего отеля. Он платит два бакса, занимает место поближе к передней двери и глазет по сторонам, проезжая вдоль Стрипа: на казино «Слотс-э-фан», на рекламу шоу «Крейзи герлз», на толстые синие шупальца водных горок в аквапарке. Горбатые желтые краны поводят стальными стрелами над холмами светлого грунта — могилой «Дезерт инн». Рабочие поливают землю из пожарных шлангов в попытке прибить пыль, но это не помогает: земля мигом всасывает воду, а пыльное облако с привкусом кремния остается висеть над площадкой.

В этот час автобус почти пуст — никаких голосов в салоне, слышно только урчание дизеля, — и Кёртис, повернувшись на сиденье, вытягивает шею, чтобы разглядеть вдаль гору Чарльстон, благо воздух достаточно прозрачен после ночного дождя. На вершине еще полно снега, который яростно сверкает под слепящим солнцем, — этакий пробел на самом горизонте, словно кусок пустоты на месте чего-то вырванного из пейзажа.

Гора исчезает за трехногой башней отеля «Стратосфера», и Кёртис снова поворачивается лицом к ветровому стеклу. Теперь уже большие казино остались позади, а вдоль улицы тянут-

ся мотели, свадебные часовни, магазины женского белья и всякой бижутерии. Эта часть бульвара всегда напоминала Кёртису Филиппины: Субик-Бей и мост в Олонгапо, за вычетом воюющей речки, лавчонок менял да босоногих детей, выпрашивающих мелкие монеты. Несколько помятых цепкоглазых раздатчиков рекламы уже заняли позиции на улицах, пристроив у ног свои пухлые сумки и прихлебывая кофе из бумажных стаканчиков. Вчерашние листовки и буклеты валяются на тротуарах: большей частью реклама секс-клубов, служб сопровождения и борделей. Ряды пальм редеют, уступая место рекламным билбордам: город навязчиво продается самому себе. С удивлением Кёртис вдруг ощущает радостную дрожь и, задержав дыхание, подавляет неуместную улыбку. «Что происходит в Вегасе, то здесь и остается». Он совсем один, и не с кем делить риск; он в кои-то веки в своей рубашке, которая, как ни крути, ближе к телу, чем казенная униформа.

Он высаживается близ Фремонт-стрит, главной улицы в старом центре города, с недавних пор превращенной в пешеходную зону и накрытой стальным куполом со множеством звуковых колонок и цветных светодиодных дисплеев. Сейчас видеошоу выключено, динамики молчат. С боковых улиц выныривают ранние птички утренней смены — официанты, танцоры, торговцы; многие несут свою рабочую форму в рюкзаках или спортивных сумках. Кёртис, по инерции настроенный на время Филадельфии, понимает, как глупо начинать поиски в такую рань. Где бы Стэнли сейчас ни находился, он наверняка еще спит.

По 4-й улице он добирается до бара «Голд-спайк», где с досадным удивлением узнает, что стоимость завтрака из двух яиц там более чем удвоилась со времени его последнего визита: теперь они просят доллар девяносто девять центов. Он делает заказ у стойки, устраивается в кабинке у окна, смотрит на грузовики, такси и бронированные инкассаторские машины, мелькающие за пыльным стеклом.

Прошло почти три года. Летом 2000-го, после своей первой командировки на Балканы, Кёртис был направлен в Туэнтин-Палмс инструктором по общевоинской подготовке: шесть месяцев скрипящего на зубах песка и раскаленных на солнце скал. С точки зрения Корпуса морской пехоты Кёртис являлся

боевым ветераном, побывавшим в Персидском заливе в девяносто первом, выполнявшим миссии в Косово и Сомали; а посему они там решили, что ему следует передать свой опыт зеленым новичкам. Да только учитель из Кёртиса был никудышный: он не любил вспоминать об операциях, которые сам же считал проведенными бестолково, и не мог поделиться с учениками хоть чем-то действительно стоящим. Он пытался говорить с ними о том, что знал на практике, — об организации движения в боевой обстановке, о патрулировании тыловых районов или обращении с военнопленными, — однако все это звучало как текст из учебника, под стать стандартному поствьетнамскому трепу, над которым сам он насмеялся на своих первых учениях в 1984-м. И он знал, что нынешние новобранцы точно так же пропускают все это мимо ушей. Никого на самом деле не интересовали рассказы о том, как держать под контролем полусотню иракских солдат, сдавшихся всего четырем разведчикам или водителям автоцистерн. Люди хотят готовиться к самым опасным ситуациям, но не к нелепым и анекдотическим. «Интересно, сколько сейчас этих свежеиспеченных морпехов месит песок в Кувейте или Саудии, дожидаясь свистка к началу второго тайма той же игры?» — думает Кёртис.

В Туэнтайнайн-Палмс Кёртис встретил своих одногруппников, с которыми некогда проходил подготовку в Форт-Леонард-Вуде, и все они дружной компанией по выходным ездили поразвлекаться в Сан-Диего, Тихуану или Вегас. Поездки в Вегас всегда организовывал Деймон: караваны тачек с морпехами мчались через пустыню, а по прибытии на место они снимали целые этажи в отелях, с воплями «Всегда верны!» бросали кости на столы казино и пачками совали деньги налогоплательщиков за подвязки девиц в стриптиз-клубах. В каждой такой экскурсии участвовал кто-нибудь из молодых морпехов, и Деймон был у них главной темой для разговоров. «Офигеть! — говорили они. — Это самый чокнутый тип во всем Корпусе морской пехоты!» Но Деймон вовсе не был чокнутым. Он держал ситуацию под контролем, умел вовремя притормозить, подстраховать, а если что, и дернуть за нужные ниточки. Он оттягивался в охотку, но не слетал с катушек, когда все прочие тупо швырялись баблом или блевали на собственные ботинки.

Во время последней поездки они толпой бродили по одному из больших казино — «Сизарсу» или «Тропикане», — пугая гражданских и задирая летунов с базы Неллис, когда Кёртис ощутил хлопок по плечу и, обернувшись, увидел Стэнли. Тот похудел, даже отощал, но выказал прежние силу и ловкость, выбираясь из неуклюжих объятий Кёртиса. На вопрос, что привело его в город, Стэнли только ухмыльнулся, что могло означать: «Разве это не ясно?» или «Попробуй сам догадаться». Они поболтали с минуту об отце Кёртиса, о морской пехоте и общих знакомых с Восточного побережья, а затем разговор перешел на другие темы, и Кёртис, уже на три четверти выбравший свою предельную норму спиртного, оказался не в состоянии его поддерживать. Стэнли рассказывал что-то о блэкджеке в «Барбери-Коуст», о чем-то случившемся либо вспомнившемся ему во время той игры, потом упомянул английского фокусника по имени Флад с его знаменитым трюком, когда он заставлял разные предметы двигаться синхронно, как будто они были связаны невидимыми нитями. Кёртис думал, что Стэнли раскроет секрет фокуса или объяснит, какое отношение это имеет к той самой игре в блэкджек, но ничего такого не произошло, а Стэнли вдруг замолчал, внимательно глядя на Кёртиса и явно ожидая его реакции.

И вот сейчас, сидя в кабинке «Голд-спайка» и подбирая с тарелки остатки желтка кусочком тоста, Кёртис вздрагивает при этом воспоминании: оно холодит его кровь и лишает аппетита. И он не может понять почему. Отчасти его беспокоит факт собственной неспособности понять человека, которого он знал всю свою жизнь. Однако дело не в этом или не только в этом. Что-то еще отравляет это воспоминание: какое-то кошмарное, иррационально пугающее чувство. Ощущение угрозы, таящейся за чем-то с виду самым обыкновенным и привычным. Как встреча с человеком, выдающим себя за другого. Словно тем вечером в казино ему попался ненастоящий, поддельный Стэнли. Или, что еще хуже, сам Кёртис был тогда не настоящим собой.

В ту пору он, конечно, не испытывал подобных чувств: это был просто неловкий момент для обоих. Они стояли там со Стэнли, и Кёртис смотрел вниз, на свои шаркающие по полу ноги. Потом к ним приблизился Деймон, и Кёртис их познакомил.

Так она и случилась — встреча этих двух людей. Тогда это казалось пустяком. Ничего не значащей формальностью. А сейчас Кёртис уже не в силах проследить все ее последствия.

Остаток той ночи он провел в пьяном тумане, но один достаточно четкий образ все же сохранился в его памяти: Деймон сидит за игорным столом, на вид вполне трезвый, и с довольной ухмылкой смотрит в свои карты, а над ним нависает Стэнли, держа руку на его плече и что-то шепча ему в бритый затылок.

Так что в некотором роде все дальнейшее произошло по его вине, решает Кёртис.

6

В полдень приступает к работе дневная смена в казино, и Кёртис начинает свой поход по Фремонт-стрит, не пропуская ни одного игорного заведения. Он беседует с дилерами, официантками, барменами, охранниками и уборщиками, а также с распорядителями казино, если тех удастся разговорить. В зависимости от ситуации он варьирует свою историю, каковая в большинстве случаев сводится к следующему: «Я разыскиваю друга, который сейчас должен быть где-то в Вегасе, хотелось бы с ним повидаться, тряхнуть стариной». Каждому собеседнику он оставляет свой телефонный номер и порой — когда считает это вложение полезным — дополняет его двадцаткой. Двое из опрашиваемых вроде бы видели Стэнли где-то с неделю назад. И все служители, которым перевалило за сорок, как будто припоминают это имя.

Сначала Кёртис нервничал по поводу того, что оставляет за собой столь заметный след, но постепенно эта нервозность проходит. Держась в тени, только наблюдая и вынюхивая, невозможно добиться успеха за то короткое время, что имеется в его распоряжении. Да он и не подряжался на всякую чушь в духе «плаща и кинжала», и Деймон должен это понимать. По мнению Кёртиса, действия украдкой обернутся лишь пустой тратой времени; гораздо лучше сразу начать поиски в открытую и посмотреть, что из этого выйдет. А если Деймону такой подход не по

нраву, пусть ищет себе другого помощника. Здесь, в Вегасе, Кёртис не совершил ничего противоправного, и у него нет причин скрываться от кого бы то ни было. Пока что, во всяком случае.

В каждом казино он совершает уже традиционный обход зала по часовой стрелке в надежде заметить среди посетителей лысый череп, узкие плечи и крючковатый нос Стэнли. И всякий раз после безрезультатного осмотра у него возникает ощущение, будто он упустил нечто существенное. Он сейчас явно не в лучшей форме и не очень доверяет собственным глазам.

Покинув казино «Мейн-Стрит-Стейшн» с двумя нераспечатанными роллами четвертаков в кармане, он садится в автобус до «Стратосферы». Так начинается его долгое странствие через город в южном направлении. На сей раз он действует более расчетливо, фокусируя внимание на лицах, с наибольшей вероятностью способных предоставить нужную информацию: на распорядителях с самыми простецкими прическами, на барменах средних лет или на слугах, глядящих прямо в глаза собеседнику. Деньги Деймона быстро утекают, но теперь Кёртис верит, что хотя бы часть из них потрачена не зря.

Никто не задает ему неудобных вопросов, но он на всякий случай к ним готовится, репетируя возможные ответы в процессе перемещения по бульвару до очередного казино. Попутно ему вспоминается разговор, состоявшийся десять дней назад в кафе на юге Филли; вспоминается Деймон, беспрестанно вертящий в руках чашку с остатками третьей порции кофе, и темная парабола кофейной гущи, которая с каждым оборотом все ближе подбирается к белому фарфоровому краю.

«Я не призываю тебя кому-либо врать, — сказал тогда Деймон. — Держись просто и естественно. А если тебя начнут пресовать, скажи, что всего лишь наводишь справки. Это ведь чистая правда, не так ли?»

Его равномерно подстриженные золотистые волосы отросли на полдюйма — длиннее, чем Кёртис когда-либо у него видел. Светло-коричневый твидовый костюм измят так, словно Деймон в нем спал, хотя он явно провел без сна уже несколько дней.

«Главное — правильно дозировать информацию, ты меня понимаешь? Дай им частичку, но так, чтобы они подумали, будто видят всю картину целиком».

Его темные глаза слезились от усталости, но по-прежнему быстро перемещались с предмета на предмет, поблескивая, как шарики в промасленном подшипнике. На одном рукаве черной поплиновой рубашки сохранилась обсидиановая запонка, но место ее напарницы на другом обозначалось лишь обрывками ниток.

«Можешь упомянуть мое имя, если тебе покажется, что от этого будет толк. Никто там не знает о случившемся в Атлантик-Сити. А если даже и слышали что-то, мое имя не вызовет у них ассоциации с тем случаем».

Новый мобильник лежит поверх длинного белого конверта без пометок. Внутри конверта — электронный авиабилет с маркировкой «UA 2123 dep PHL 07:00 arr LAS 09:36 03/13/2003» и три пачки стодолларовых дорожных чеков.

«Своей жене можешь сказать, что хочешь. Тут ведь нет никакой опасности. И никто не нарушает закон. Отыщи его и сразу же дай мне знать. Это надо сделать не позднее полуночи следующего вторника. Все проще простого».

Кёртис смотрел, как «ауди» Деймона вырубивает со стоянки, и провожал его взглядом, пока машина не исчезла на подъеме к Уитманскому мосту. Он доел свой кусок яблочного пирога, а заодно и едва тронутый шоколадный торт Деймона, заказал новую чашку кофе и еще долго сидел за столиком, уткнувшись невидящим взглядом в развернутую газету. Только когда приблизился час пик, он покинул кафе и зашагал к станции метро.

На следующее утро он проснулся в четыре под звонок будильника Даниэллы. Он слышал, как жена оделась и ушла на работу, и продолжил лежать без сна, глядя сквозь приоткрытые жалюзи на то, как небо меняет цвет с черного на розовый, затем на желтый и, наконец, на слепяще-белый. Только тогда он поднялся, проделал обычные утренние процедуры, а потом на автобусе поехал в Коллингдейл и там приобрел револьвер.

Южнее торгово-выставочного комплекса расположены самые крупные и с приближением вечера все более многолюдные казино, так что наведение справок затягивается. К восьми часам он минует аэропорт и, проигнорировав местечки, в которых появление Стэнли маловероятно, проезжает несколько кварталов